

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Советская республика и сексуальная революция

Мюзам Эрих

неизвестно

Мюзам Эрих
Советская республика и сексуальная революция
неизвестно

Скопировано 22.06.2025 с

<https://liberadio.noblogs.org/?p=3647>

Перевод с немецкого. Из: Magnus Hirschfeld (Hg.):
Zwischen zwei Katastrophen, Hanau 1966 [https://www.anarchismus.at/anarchistische-klassiker/erich-muehsam/8075-erich-muehsam-raeterepublik-und-sexuelle-revolution](http://www.anarchismus.at/anarchistische-klassiker/erich-muehsam/8075-erich-muehsam-raeterepublik-und-sexuelle-revolution)

ru.anarchistlibraries.net

Факты, которые я мог наблюдать как активный участник революции в Баварии, неизменно подтверждают опыт всех революций, что страсть объединённых масс к искоренению гнили и угнетения и к построению чистых и справедливых общественных форм одновременно проявляется как обострённое чувственное наслаждение, которое свободно дышит и утверждает себя в светлой радости существования. Чувственная реакция антиреволюционных усилий, направленных на реставрацию свергнутой власти, предстаёт в контрасте с эротическим вдохновением творческого рвения в виде жестокой, эгоистической сексуальной похоти, которая наслаждается садистскими истязаниями побеждённых противников, склонна к изнасилованиям и похотливым убийствам в своей победе над революцией и при этом хочет, чтобы покорение новаторов праздновалось как победа моральных добродетелей, целомудрия и женской чести над разложением нравов и осквернением любви. Историческое исследование различ-

ных последствий революций для сексуального поведения творцов нового и их противников, которое, насколько мне известно, ещё не проводилось, выявило бы те же явления для всех переворотов и попыток переворотов, как показали баварские события...

В целом события в Баварии можно считать особенно типичными, поскольку здесь революция приняла гораздо более драматический характер, чем — за исключением Венгрии, которую постигла очень похожая судьба, — в других странах, которые были приведены в революционное движение окончанием войны в 1918-м году. В то время как в Берлине к власти пришло правительство, которое стремилось сделать лишь самые необходимые уступки ситуации, сложившейся в результате военного поражения, и по возможности сохранить то, что можно было спасти от старой системы, в Мюнхене приступили к созданию совершенно нового лица государства, по крайней мере в политическом плане. Под руководством Курта Эйснера установление республики в Баварии было серьёзной попыткой сделать моральные выводы из краха монархии, в то время как в Рейхе республика была принята, хорошо это или плохо, но её содержание было полностью поглощено монархией в слепой зависимости от традиции. Например, в Северной Германии попытки рабочих, объединившихся вокруг Карла Либкнехта и Розы Люксембург, сломать старое правление изнутри с самого начала вызвали жестокое ответное давление с использованием именно тех сил, которые были наиболее скомпрометированы провалом условий, смытых ноябрьскими событиями, а борьба, вылившаяся в январские и мартовские убийства в Берлине, носила характер контрреволюции без настоящей революции.

В Баварии, хотя против наступающего радикализма выступали и родственники берлинских правителей, они пол-

ков» и использовано для кровожадной агитации против всех революционеров. Левине не имел никакого отношения к аресту и расстрелу людей из «Общества Туле». Тем не менее, после смерти его обвинили в связанном с этим постыдном сексуальном преступлении.

Если сопоставить неправдивые обвинения революционеров в садистских действиях с очевидными истинными сексуальными преступлениями «освободителей», бушующих и грабящих в Мюнхене, то картина будет такой же, как и везде, где одичавшие толпы набрасываются на поверженного врага с разгорячёнными умами. Здесь явно отсутствуют этические гарантии совести, которые всегда защищают революционеров, борющихся за новое и лучшее человеческое общество, от сексуальных эксцессов жестокости. В революционной истории любой страны никогда не должны быть зафиксированы такие ужасные деградации чувств, какие произошли в Мюнхене во время бесследных казней спартакистских женщин во дворе тюрьмы Штадельхейм. Там белые отряды неоднократно целились первыми выстрелами в гениталии женщин и девушки, а в других случаях проводили казнь, стреляя сначала в ноги, а затем в живот, упиваясь агонией умирающих жертв. К сожалению, даже самые благочестивые сторонники государства всегда замалчивали эти ужасные вещи, правду о которых могут подтвердить свидетели, чтобы сконцентрировать отвращение всего мира безраздельно на политических врагах капиталистического и клерикального государственного строя. Ведь то, что Рикарда Хух однажды высказала в общих чертах, относится и к эротизму революций: «Снова и снова люди убеждаются, что красный террор безвреден и благодетелен по сравнению с белым! Но книги по истории на протяжении веков фиксируют первый, а по второму скользят со смущёнными оговорками».

ностью перешли в оборону, а революционное движение развивалось бурными темпами, подталкивая к важным решениям в быстром чередовании удачных и неудачных событий. После убийства Эйснера революционное движение приняло самые далеко идущие решения по социалистическому воплощению, пережило войну с белогвардейскими ландскнехтами, спешно собранными со всех концов Германии, сражалось за свои идеалы с героической решимостью и страшными жертвами, и в конце концов утонуло в океане крови, убийств, грабежей, осквернений, кощунств и судебной мести.

Влияние революции в Баварии на сексуальные взгляды общественной морали не может быть определено на основании революционных декретов. Первый революционный период с 7-го ноября 1918-го года до убийства Эйснера (21-го февраля 1919-го года) так же мало вмешивался в вопросы общих прав человека, как и в остальной Германии. Все митинги правительства и революционных органов касались политической демократизации государства и, в лучшем случае, социальных мер в пользу экономических интересов рабочих.

После 21-го февраля, во второй революционный период, который можно отсчитывать до 6-го апреля, пролетариат начал более серьёзно заниматься проблемами внутренней трансформации общественных идей. Однако изначально суверенный Съезд советов занимался почти исключительно реорганизацией государственной власти и не находил времени для выдвижения фундаментальных требований на будущее, а назначенное им правительство и комиссариаты при нем вынуждены были еще больше специализировать свою деятельность и, вероятно, также не находили причин для наблюдения за эротическим поведением масс и инициирования реформ государственного законодательства в этой области. Наконец, третий револю-

ционный период, от провозглашения Советской республики (7-го апреля) до вступления Белой армии в Мюнхен (1-го мая), не имел времени ни на что, кроме военной защиты революционных фактов, созданных рабочими и крестьянами. Необычайно либеральные планы народного комиссара по образованию и народному просвещению Густава Ландауэра по реорганизации всей системы школ, университетов и академий, которые, конечно, уже не могли быть осуществлены, показали, однако, что Советская республика твердо намерена привнести современные взгляды во все области интеллектуальной и духовной жизни, а также в экономику.

Положение женщины в обществе и, соответственно, проблема брака как юридического права не могли стать предметом революционных решений в Баварии только из-за недолговечности советской власти. Русская революция также ограничилась в первый период тем, что не ставила никаких трудностей на пути развития революционной сексуальной морали, и лишь позже сделала конституционные выводы из практического опыта. Более того, осознание того, что революция может укорениться только тогда, когда старая моральная концепция положения полов по отношению друг к другу будет ликвидирована вместе со старой властью, не является недавним достижением. Уже в начале Французской революции вольнодумец Буассель выступил со своим «Катехизисом человеческого рода» — опубликованным в 1789-м году! — в которой он описывает собственность, религию и брак как три изобретения, с помощью которых люди пытались придать своей жажде власти законную основу.

Во время Баварской революции не появилось никаких мер, официальных предложений или даже подготовительных обсуждений, направленных на отмену брака или иной радикальный разрыв с моногамными нравами общества.

этом безумии обвинили всех анархистов-революционеров, которые, как известно, хотели упразднить государство и основать всё общество на полной свободе личности без различия пола. Но этой великой галиматье поверили, и это возымело своё пагубное действие.

Два года спустя, когда меня вывели из тюрьмы на приём к дантисту, тот спросил меня, не задумывались ли мы о том, что из-за нашей национализации женщин страдает население Баварии. Конечно, я объяснил ему, что вся эта сплетня — чистая клевета без малейшей доли непонятного содержания; но дантиста это не убедило, и он, очевидно, просто презирал меня как человека, который больше не хотел признавать своё компрометирующее поведение после всего произошедшего. В более отдалённых уголках Баварии имя Ландауэра и моё, вероятно, и сегодня будет ассоциироваться с представлением о развратниках, для которых жизнь и судьба всей страны были поставлены на карту ради их животных желаний. Коммунистический агитатор, которого особенно ненавидела монархистская буржуазия, был заклеймён в этих письмах без малейших доказательств как страдающий «сифилисом мозга», а позже, когда энергичный коммунист Евгений Левине, полностью преданный революции и обладавший абсолютной личной честностью, был приговорён военным трибуналом к смерти и расстрелян, антисемитская пресса оклеветала его позорным обвинением в нападении на заключённую графиню фон Вестарп, секретаршу «Общества Туле».

30-го апреля 1919-го года графиня Хаила фон Вестарп и ещё шесть контрреволюционеров, находившихся в мюнхенской Люитпольской гимназии в качестве подследственных, были расстреляны красными в условиях военного положения в ответ на убийство тридцати красногвардейцев в Штарнберге. Это дело было жестоким образом разрекламировано под неточным названием «убийство заложни-

ти она, тем не менее, продолжала работать в движении, пока не выяснилось, что она сама стала предательницей, чтобы отомстить за своего возлюбленного. Она снабжала врага всеми возможными материалами о Красной армии и буквально выдала многих отличных товарищ, которые ей полностью доверяли и с которыми она сама была преданно связана в течение многих месяцев. Товарищи долго не могли поверить в невероятное. Я сам расплакался, когда увидел в тюрьме несомненные доказательства преступлений красной Ресль. Случай с этой молодой рабочей — единственное известное мне преступление на сексуальной почве со стороны красных.

Напротив, показательно, что белые, чтобы довести гнев против революционеров до высшей точки и скомпрометировать их дело, в своей систематической клеветнической войне отдавали предпочтение обвинениям из области сексуальности. «Законное» правительство свергнутых нами конституционных партий, бежавшее в Бамберг, распространяло среди марширующих в Баварию фрайкоров листовки, которые оказались настоящими подстрекательствами к самосуду и произвели ужасающий эффект. В них все мы, кто был замечен на переднем плане революции, были лично втянуты в грязь самым бессовестным образом. Клевета с сексуальным подтекстом оказалась особенно эффективной для возбуждения убийственных инстинктов белых ландскнехтов. Все люди, отмеченные в листках, которые не смогли бежать или, как я, уже находились под стражей за пределами Мюнхена, были убиты при аресте. Жестокое убийство Густава Ландауэра, этой великой и благородной души, объясняется исключительно тем, что солдаты из этих чёрных списков были убеждены, что Ландауэр и Мюзам хотели национализировать женщин; это означало, что каждая женщина должна была по закону быть в распоряжении всех лидеров спартакистской революции. В

Равные права для незамужних матерей и незаконнорожденных детей и отмена криминализации конкубината, который в баварском полицейском уголовном праве был объявлен вне закона как «блуд», требовалось на собраниях, но на практике были реализованы лишь частично, гораздо позже, поскольку общественная мораль уже не терпела слишком реакционного и антисоциального отношения властей, несмотря на контрреволюцию.

Огромное усиление церковной власти, особенно в Баварии, похоронило многое из того, что уже было достигнуто, и сегодня Бавария лидирует среди всех немецких земель по моральной узости и мелочному фанатизму. Такое развитие событий в революционный период предвидели прежде всего радикальные буржуазные борцы за права женщин, которые по всем важным вопросам объединились с крайне левым крылом на съезде Совета. Так, например, 7-го марта обсуждалось предложение, внесённое доктором Анитой Аугспург, Лидией Густавой Хейман и другими: «Расширение и дополнение системы советов путём создания женских советов для противодействия пропаганде реакции, особенно в деревне, путём просвещения и политизации женщин» (стенографический отчёт с 25-го февраля по 8-е марта 1919-го года).

Анита Аугспург оправдывала это предложение, направленное, в частности, против политического и морального влияния духовенства на женщин в сельской местности. Однако уверенность оратора в скорой модернизации общественной жизни в целом и, следовательно, в полном признании равноправия женщин во всех областях общественной жизни благодаря прогрессу революции видна из её замечания, что она рассматривает предлагаемые женские советы как «лишь временные учреждения». «Я надеюсь, — сказала она, — что через пять, десять, пятнадцать лет они смогут снова исчезнуть и что тогда женщины

будут настолько политически образованными и заинтересованными, что будут работать и проявлять активность во всеобщих рабочих и крестьянских советах. А пока я считаю необходимым создать женсоветы на общественно-правовой основе. Я считаю очень необходимым, чтобы женщины, как матери, могли с раннего возраста направлять воспитание и интересы своих детей на политические аспекты и разъяснять им действенность общественных институтов».

Предложение Аугспург-Хейман поддержали только крайне левые. Умеренные, которые составляли большинство в Конгрессе, возможно, подозревали, что освобождение женщин, особенно в их сексуальной воле, было бы следствием политической независимости; они отклонили предложение.

Возможно, этих обывателей также напугал напитанный эротикой воздух, который, как я полагаю, я правдоподобно объяснил в самом начале, исходил от дыхания самой революции. Высказываемые в баварской революции, как и в любой другой, подозрения, будто женщины использовали революционный энтузиазм как предлог для бесстыдных выступлений в безумном пьяном исступлении, — такая же тенденциозная ложь, как и утверждение, что лидеры революционного движения (помимо материальных интересов, что, конечно, утверждалось контрреволюцией) руководствовались также перспективой удовлетворения своих похотливых желаний возбудить массы до бесчувствия, и поэтому дикие оргии и обнажённые вечеринки с участием всех известных революционных деятелей были в порядке вещей.

Только с крахом революции мощный эротизм, который является атрибутом каждого исполненного надежд массового движения, кажется, уступил место слабой и судорожной сексуальности в Мюнхене. С вторжением белых войск

и даже раньше, когда уверенность в том, что советская республика может быть сохранена, была утрачена многими, когда сообщения о падении все новых и новых революционных позиций, о жестокости расправы над пленными, о военных поражениях и дезертирстве с революционного фронта преследовали друг друга, среди революционеров с меньшим характером началась деморализация, как это всегда бывает при крахе больших движений, которая логично проявилась и в области сексуальности.

Но насколько страстные натуры могут быть выбиты из колеи эротическими переживаниями во время страстей, до каких ужасных aberrаций может скатиться человек, охваченный любовной страстью в такое время, — приведу пример. Девушка из рабочего класса, Тереза Б., с первого дня переворота с самоотверженной страстью приняла участие в революционной работе. Она была самой известной и популярной фигурой на каждом собрании и каждой демонстрации. Она всегда ходила с листовками, спартаковскими призывами и моим революционным журналом «Каин», который она рекламировала во весь голос. По собственной инициативе и вместе с другими она неустанно организовывала домашнюю и уличную агитацию и была известна во всем Мюнхене как «красная Ресль». Она была абсолютно надёжна при выполнении самых сложных и незаметных заданий, дежурила днём и ночью, была услужлива, дружелюбна и всегда в хорошем настроении. Мы все её очень любили. Так продолжалось с ноября и до конца революционного периода. В последний период у неё были отношения с товарищем-коммунистом В., которому по мере приближения катастрофы поручались важные функции. Однако затем В. заподозрили в серьёзной измене и в один прекрасный день нашли убитым. Красная Ресль страстно защищала своего друга от подозрений, будучи полностью уверенной в его невиновности. После его смер-